

КРАСНАЯ ГОРКА

Свет

ПОБЕДЫ

КЕМЕРОВО 2010

Виктор АРНАУТОВ

ПОЭТ, ВЕРНУВШИЙСЯ С ВОЙНЫ

Михаил Небогатов. Открываю хрестоматию «Писатели Кузбасса: поэзия и проза», подготовленную и изданную Союзом писателей Кузбасса в 2007 году. Пятьдесят три автора в этом сборнике, рекомендованном для внеклассного ознакомления и изучения региональной литературы школьниками и студентами. В одном алфавитном ряду с молодыми и малоизвестными прозаиками и поэтами глаза выхватывают знакомые имена и фамилии писателей старшего поколения: Евгений Буравлёв, Александр Волошин, Геннадий Емельянов, Игорь Киселёв, Владимир Куропатов, Владимир Мазаев, Валентин Махалов, Анатолий Саулов, Любовь Скорик, Зинаида Чигарёва, Софрон Тотыш, Геннадий Юров. И где-то посредине – Михаил Небогатов. Всех их можно без оговорок назвать «золотым фондом», «литературным достоянием Кузбасса», даже классикой!

Возьмём ещё один фолиант в 480 страниц: «Русская сибирская поэзия. XX век. Антология», изданный также у нас и получивший самую высокую оценку на всех уровнях Союза писателей России. Круг авторов в нём значительно расширен – до 435. И у каждого – от одного до десяти стихов. В первом сборнике поэту Михаилу Небогатову отвели 14 стихов, во втором – шесть.

Михаил Небогатов. Так кто же он? Одним словом здесь и не ответить: поэт, литератор, наставник, пропагандист, фронтовик, семьянин, друг, товарищ, гражданин, человек... И каждое из этих слагаемых можно писать с большой буквы!

Не полукавлю, если скажу, что лично для меня он открылся в таком многообразии не сразу. А ведь и я уже – далеко не юнец, шесть

десятков годков – вот они, не на дальнем горизонте...

Как только попал я в Кузбасс, в Кемерово, из Томской глубинки в середине августа 1969 года, так на меня просто обрушился поток новых слов и понятий: шахты, разрезы, комбинаты, заводы, новостройки, шахтёры, металлурги, химики. Едва ли не ежедневно покупал в киосках газеты «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса», жадно знакомился со всем необычным для меня, абитуриента только что открытого вуза – института культуры. И чуть ли не в каждом новом номере, если не на первой полосе, то в другом месте встречал стихи – ровные столбики – такие непривычные для газетной формы издания. И почти под всеми ними – Михаил Небогатов. Обращал внимание и на «подвалы», где разбирались стихи молодых авторов. И там встречалась всё та же фамилия. А недели через две я уже сидел перед приёмной комиссией на зачислении, и проректор-эстет Юрий Васильевич Изюмский, хитро улыбаясь, выпытывал: а кого из местных поэтов и прозаиков знаю? Что читаю из толстых журналов? Моя молодая память лихорадочно выхватывала из своих недр имена: Гарий Немченко (признаться, его-то одного из прозаиков я успел прочитать накануне), Евгений Буравлёв, Валентин Махалов, Игорь Киселёв и, конечно же, Михаил Небогатов. Назвав журналы «Юность» и «Новый мир», упомянул и «Огни Кузбасса», который, ещё не раскрывая, случайно заприметил в витрине одного из газетных киосков.

И потом, на протяжении многих лет, если не десятилетий, по крайней мере в семидесятые-восьмидесятые годы, с полос областных газет не сходило имя Михаила Небогатова. Призна-

уюсь опять как на духу, стихи эти просматривал довольно бегло, даже с некоторым раздражением: казались они мне все какими-то неискренними, заказными, надуманными, а сам автор напоминал мне придворных пиитов. Увы, так я думал. А однажды, в одном из своих рассказов, в контексте о современных местных поэтах, упомянул и Небогатова – как «датского». «Датских» поэтов наша пишущая братия не чтит, ставя их лишь одной ступенькой выше всяких графоманов. Каюсь, было...

Года два тому назад весенним солнечным деньком брёл я по Советскому проспекту мимо дома, где жил Михаил Александрович Небогатов. На стене этого дома установлена мраморная мемориальная доска – с фотографией и датами проживания в доме Поэта. И доска эта была... расстреляна снежками. Каково?! Не думаю, что в том был глубокий умысел, скорее хулиганские выходки сорванцов-недорослей, не ведавших, что они творят. Но ведь – расстреляна! Не символично ли это?! Снежки те, разумеется, потом растают, а доска лишь отмоется и обновится. И всё же... В безответного Поэта, к тому же – фронтовика! Вроде, как в анекдоте: всякому хватит смелости дёрнуть за хвост неживого льва. Попробовали бы сделать такое при жизни...

А ведь доводилось. Ой, доводилось, и неоднократно, Михаилу Александровичу стоять под обстрелами. И далеко не под снежками. Стреляли в него и пулями, и снарядами, и авиабомбами. Это – в солдата. Да и поэт Небогатов выдерживал обстрелы, пусть и словесные. И от кого? Да от своих же собратьев-писателей, от друзей-товарищей, от нечистоплотных журналюг, от самоуверенных амбициозных графоманов, от многочисленных чиновников. И ведь стоял. И выстаивал, проявляя силу и мужество, терпение, такт и уверенность в своей правоте, ветеран, поэт и гражданин Михаил Небогатов!

А всего сильнее изменила лично моё мнение о Небогатове как поэте и человеке ещё одна замечательная книга, подготовленная его дочерью Светланой, изданная в 2006 году, – «Михаил Небогатов. Поэт (дневниковые записи разных лет)». Дважды уже пришлось мне воспользоваться этой книгой, готовя из неё подборку для номеров журнала «Огни Кузбасса». Вот и теперь буду прибегать к материалам именно из этой книги, основываясь на записях самого Михаила Александровича. По-моему, книгу-дневник далеко не все ещё оценили в должной степени. Дневниковые записи, что может быть ценнее для исследователя, биографа, литературоведа?! В них человек раскрывается без всяких прикрас. И пусть оценка происходящего носит зачастую эмоциональную окраску и несомненный элемент субъективизма, но сами-то факты, факты! Да через дневники Михаила Александровича прошла вся история возникновения, становления и развития писательской организации Кузбасса – в течение сорока лет, с начала пятидесятых и до самого конца восьмидесятых годов! И непременно – в контексте времени! В контексте событий нашей страны и Кузбасса!

В годовщину 65-летия Победы, пожалуй, следовало бы сделать акцент на фронтовой биографии воина и защитника Родины Михаила Небогатова! Но ведь не мною давно уже приравнено перо Поэта к штыку. И уже тогда, в двадцать с небольшим, в часы затишья и отдыха на передовой, рождались у Михаила Небогатова первые, пусть и не совсем умелые, но стихи.

Михаил Александрович Небогатов – коренной кузбассовец, родился в городе Гурьевске 5 октября 1921 года тринадцатым ребёнком в семье счетовода-бухгалтера металлургического завода. В пять лет он лишился отца, когда тот умер в одночасье, поехав в лес за дровами. К этому времени на попечении матери оставались в семье ещё двое несовершеннолетних детей. «Нужда была настолько безысходной, что я ино-

гда неделями не ходил в школу – не было обу-ви», – вспоминает поэт.

Между тем атмосфера в семье оставалась доброжелательной. Малограмотная мать, Клавдия Степановна, знала много стихов, особенно Некрасова и Кольцова; её речь была насыщена пословицами и поговорками. Видимо, это и послужило одной из первопричин, что мальчик стал сам сочинять стихи, сначала переделывая на свой лад всё того же Некрасова.

В 1937 году семья Небогатовых переехала в Кемерово, где юноша вынужден был оставить учёбу и начать самостоятельную трудовую жизнь техником-инвентаризатором.

«В апреле 1941 года меня призвали в армию, а в июне вспыхнула Великая Отечественная война. Вначале я был рядовым красноармейцем, потом – весной 1943 – попал на трёхмесячные курсы в военное училище, откуда вышел младшим лейтенантом. Участвовал в боях в Смоленской и Ворошиловградской областях. Осенью того же 1943 года был демобилизован по ранению и вернулся в Кемерово», – такие строки оставил Михаил Александрович из своей фронтовой биографии. Всего-то!

Парадоксально, но факт: очень многие фронтовики-ветераны, вспоминая о войне, не любят красоваться своими подвигами и заслугами. А ведь два года рядовым – не в штабе отсидеться! Обратите внимание на строку о трёхмесячных курсах младших офицеров. Был направлен весной, предположим, что в марте. Через три месяца выпущен младшим лейтенантом, следовательно, где-то в июне-июле. А уже осенью – демобилизован по ранению. Не трудно догадаться, что ранение было не из лёгких. И ещё, кто такой младший лейтенант? Командир взвода – на самой что ни на есть передовой линии. А командиров взводов хватало, по горькой военной статистике, всего на один-два боя... Орден Красной Звезды просто так в первые годы войны никому не жаловали...

За два военных года Небогатов написал менее десятка стихов: «...говоря откровенно, завидую тем поэтам, которые даже в боевой обстановке, в самых неподходящих условиях не прекращали творить». Очень самокритично, не правда ли? И всё же обратимся к ним, этим стихам, датированным 1943 годом: «Встреча с Героем Советского Союза», «Письмо», «Русский человек». Внимательно прочитав и перечитав их, честно признаюсь, не обнаружил тут пока ещё высокой поэзии – в них больше пафоса и ремесла. Но уже заслуживает положительной оценки отточенность рифм, ритмика и размер стихотворений. Замечу, забегая вперёд, что чувство ритма вообще присуще небогатовской поэзии, она напевна, потому-то и написаны на его стихи позднее десятки песен. А тогда – откуда было и взяться большому мастерству у 22-летнего парня, да ещё и без профессионального литературного образования? Но и в тех строках наверняка можно отыскать хотя бы небольшие, но поэтические искорки и даже находки, особенно в концовках. Как в этом:

*Увидать Героя всяк мечтает.
Но в бою случается порой –
Человек дерётся и не знает,
Что он сам и есть живой герой.*

И уже тогда, когда до Победы оставалось ещё два тяжелейших года боёв и сражений, поэт-воин верил и мечтал о том, что «пробьёт победный час», что «обязательно приеду», что «опишет в будущем историк неповторимый путь борьбы». И ещё – «будет памятник поставлен, незабываемый вовек». А далее строки – и впрямь пророчески-ясновидящие – всё о том же памятнике:

*Стоит, бессмертия достоин,
Непобедимый, грозный воин –
Великий русский человек!*

И ведь поставили – по всей Руси великой. Да что Руси?! По всей Европе! Взять хотя бы тот же Трептов-парк – с советским воином-освободителем, держащим на руках немецкую девочку, или «Алёша» в Болгарии – русский солдат...

Война. Два года из семидесяти, одна тридцать пятая часть жизни – вроде, не так уж и много. Зато какие годы! И к годам этим поэт-ветеран будет возвращаться всю оставшуюся жизнь, поновому осозная и осмысливая их – в стихах и беседах. Одних стихов о войне у Михаила Небогатова набралось на целый сборник.

Редкий очередной День Победы или канун его не бередил душу и раны ветерана. И появились новые стихи, и печатались они на первых полосах газет, и читались они автором в школах, библиотеках, по радио, на телевидении. В качестве примера приведу лишь два фрагмента из дневников:

«1965 год, 30 апреля. Принял участие в передаче по радио «Люди одного поколения» ... брали у меня как фронтовика интервью, потом я (сам уже) прочитал новое стихотворение «Вновь над Россией журавли трубят» – воспоминания о тех, кто не пришел с войны».

«7 мая по радио был на передаче «Писатели-фронтовики у микрофона». В ней приняли участие Молостнов, Измайлов и я. Передача была сделана в форме беседы. Прозвучала неплохо».

А взять хотя бы такой факт: 26 февраля 1960 года «Комсомолец Кузбасса» опубликовал две главы из поэмы о Вере. Именно во многом благодаря поэту-фронтовику многомиллионный Кузбасс узнал о своей землячке-кемеровчанке Герое России Вере Волошиной!

...Попытка наладить семейную жизнь с первого раза не удалась: брак с Тоней и рождение дочери Нины не принесли радости и душевного спокойствия фронтовику.

Зато уже в мае 1946 года Михаил Небогатов повстречал свою судьбу и музу у кемеровского

кинотеатра «Москва», как Мастер свою Маргариту. Звали её Марьяна (Марианна, Мария Ивановна), жила она недалеко от города, в деревне Мазурово, работала учительницей. Мусик – так ласково стал называть её 25-летний Михаил. Вскоре появился и первенец, дочь Светлана, а за нею – двое сыновей, Саша и Володя. Прожили они вместе почти 45 лет!

Семью нужно было на что-то содержать, и вчерашний фронтовик устраивается работать сначала военруком, затем культмассовиком, после чего – литсотрудником областной газеты «Кузбасс». Профессиональное занятие литературой даже по тем временам давало возможность лишь жалкого существования.

Своеобразной отдушиной становятся стихи, когда можно забыться, уйти в созданный мир, излить свои чувства. А ещё – рыбалка: «Не знаю летом лучшего занятия, как посидеть над водою с удочкой в руке и смотреть на поплавок. Целый день могу не уходить с реки, даже не до еды».

И стихи слагаются, и считает Михаил Александрович, что «не было бы многих хороших стихов, особенно о природе, если бы не те четыре года, что прожил на Искитимской набережной, в двух шагах от полей и перелесков – вблизи от дорогого с детства пейзажа». В 1946 году он приступает к созданию поэмы о молодёжи военных лет. Поэму высоко оценивает его приятель и поэт Алексей Косарь.

А вскоре появляются и первые публикации в толстых журналах и газетах. Третий номер «Сибирских огней» за 1946 год напечатал подборку его стихов. По этому поводу Небогатов запишет: «Сколько сил и бодрости вливает это! Я готов сейчас день и ночь не выходить из-за стола, чтобы каждое стихотворение моё было новым шагом в большую литературу».

К началу пятидесятых годов у него уже написано столько стихов, что набирается не на один сборник. В 1952 году выходит первая книга Ми-

хаила Небогатова «Солнечные дни», а в следующем ещё одна – «На берегах Томи». Эти-то книги сам Михаил Александрович не без основания считает началом всей кузбасской литературы, поскольку вышли они до первых книг и Евгения Буравлёва, и Александра Волошина, и других именитых кузбасских писателей. С появлением своих детей поэт начинает писать и детские стихи, которые были изданы отдельной книжкой «Юным друзьям» в 1957 году.

Уже в это время Небогатов очень много и часто задумывается над предназначением поэзии и поэта. «Безликая лирика надоедает, хочется сделать что-то более значимое. Очевидно, вся моя поэзия держится на чувствах. Перестаю волноваться – и стихи не рождаются».

Самооценка своего творчества, сомнения в его значимости и совершенстве – постоянные спутники даже большого писателя. Автор – лучший судья своих стихов: «Я сам понимаю, что у меня хорошо, что плохо. А постоянное чувство моё – неудовлетворённость всем, что я делаю. Всё что-то не то. И вроде знаю, как должно быть, а сделать не могу».

Поэтическое вдохновение и трудолюбие – без этого не рождаются стихи, по крайней мере, у Небогатова: «Напишешь одно стихотворение – и кажется: ну, всё, выдохся. Оказывается, ничего подобного. Отдохнул немного, освежился, смотришь, снова появились новые мысли и чувства».

О том, как и по сколько писал Михаил Александрович, расскажем ниже. Но изнуряющая работа профессионального литератора доводила его порой до отчаяния: «До чего же нелёгко писательский труд! Даже для создания лирической миниатюры требуются такие усилия, которые даются ценой постоянного напряжения и систематической тренировки... Проклятая необходимость добывать насущный хлеб! Имей я ещё какую-нибудь специальность, не стал бы навязываться своими рукописями нашим газетам, не

раздражался бы из-за равнодушия редакционных чиновников».

Нужда и нищенские заработки доводили поэта до крайности и в относительно благополучные пятидесятые, и даже шестидесятые годы. В конце пятидесятых семья Небогатовых улучшила свои жилищные условия – переехала в трехкомнатную квартиру. Казалось бы, радоваться надо, а Небогатов сокрушается, что за неё теперь придётся платить порядка 200 рублей ежемесячно. «Главная моя трудность – безденежье, – запишет он в своём дневнике 1 декабря 1959 года. – Просто ума не приложу, чем кормить ребятишек».

А 12 января нового 1960 года в почтовом ящике Небогатовых оказался квиточек на почтовый перевод на тысячу рублей: «Сегодня неожиданная радость! Пришел почтовый перевод из Москвы. Из литфонда, с короткой припиской «Высылаем пособие по решению Правления от 29.12.59 г.». Эта тысяча для литфонда – не стоит и гроша, а для меня – целое состояние, которое заткнёт многие дыры!»

Заметим между прочим, что к этому времени Михаил Небогатов ещё не был принят в Союз писателей СССР, но знали о нём уже как о поэте не только в Кузбассе и Сибири, но и в Москве.

...Существует иронично-расхожее мнение, что писатель пишет, а читатель читает. А ещё, что если писатель и читает, то только им же и написанное. Сия сентенция совершенно не подходит к Михаилу Александровичу Небогатову. Пожалуй, тут вполне можно сравнить его с таким писателем, как Максим Горький, который очень и очень многое постиг за счёт самообразования и чтения чужих книг.

Как на службу, едва ли не ежедневно, Небогатов заходит в центральный книжный магазин, интересуясь новинками поэзии и покупая всё сколько-нибудь ценное (это при той-то нужде!). С ручкой в руках он прочитывает эти книги, делая пометки, и говорит о них со своими кол-

легами, друзьями, родными, оставляя записи в дневниках. Он помнит наизусть стихи многих поэтов, считая, что книжки, которые не обогащают, – ничто, пустой звук.

Приведу лишь ничтожно малый перечень фрагментов записей, которые он оставлял в своих дневниках о прочитанных книгах:

«23 мая 1958 г. Читаю Джека Лондона. До чего это цельный писатель!»

«12 июня. Вчера дочитал «Войну и мир». До чего же мудро писал Лев Толстой! Читаешь его – и с каждой страницей обогащаешься, начинаешь разбираться в той каше – человеческой жизни...»

«24 июня. Знакомлюсь с Ф. И. Тютчевым. Староват по стилю и словарю. Но глубина чувств и мыслей всей лирики – поразительная!»

«...Дочитал сегодня том чеховских писем. Впечатление такое, будто побеседовал с человеком умным, шутливым, деликатным, образованным».

«...Дочитал «Братьев Карамазовых»... Достоевский – замечательный, единственный в своём роде писатель, гордость России...»

«...Читаю Блока. Упиваюсь музыкой его стихов, яркостью его чувств...»

«...Прочитал Расула Гамзатова в переводе В. Солоухина. Гениальный человек этот Расул! Всю мудрость своего народа впитал в себя, сконцентрировал, обобщил и теперь дарит людям...»

«...Читал Бунина «Жизнь Арсеньева». Восхищение моё им как художником слова беспредельное...»

Евтушенко, Рождественский, Вознесенской, Ахматова, Цветаева, Василий Фёдоров, Павел Васильев, Василий Шукшин, Виктор Астафьев, Михаил Шолохов... Сотни имен поэтов и прозаиков отечественных и зарубежных, прошлого времени и современности так и полонят страницы дневниковых записей Михаила Небогатова. И не просто мелькают, абы покрасоваться – всякому своя оценка, и не всегда со-

впадающая с общепринятой или официальной. Поистине – литературная энциклопедичность знаний и суждений!

...Рыбак рыбака видит издалека – гласит половица. Добавлю: и писатель писателя – тоже. Без преувеличения скажу, что на протяжении пятидесяти лет Михаил Небогатов, как магнитом, притягивал к себе пишущую братию – от вполне зрелых и именитых и до самых юных и начинающих.

Были у него и свои литературные кумиры. Из множества назову лишь А. Т. Твардовского и В. М. Шукшина. Долгие годы вёл он с ними переписку, посылая свои книги и получая от них письма с отзывами и книги с доброжелательными автографами. Твардовского он считал не только своим кумиром, но и учителем. Не без участия Александра Трифоновича получил Небогатов и ту самую тысячу литфондовых рублей. В «Новом мире» Твардовского появляются и подборки стихов сибирского поэта. А с Шукшиным, хотя и прозаиком, – и того лучше. «Три дня жил в мире шукшинских героев. Этот мир настолько интересный, многообразный, глубокий, что создаёт иллюзию, будто ты побывал где-то в другой жизни. Душевная обнаженность Шукшина поразительная!» А 14 августа 1966 года от Шукшина пришло письмо, в котором он делится с Небогатовым замыслами создания разговорного сибирского языка и просит Михаила Александровича посодействовать в этом.

Невозможно без Небогатова представить и Кемеровскую областную писательскую организацию. Он стоит у самых истоков её создания, хотя его не успели принять в Союз писателей СССР на момент образования отделения (14 июня 1962 г.). Зато уже в октябре 1962 года по рекомендации Евгения Буравлёва, Сергея Маркова и Ковынёва Михаил Александрович был принят в Союз писателей СССР, и к пятёрке первопроходцев (Е. Буравлёв, А. Волошин,

Г. Молостнов, Т. Ян и Г. Генке) добавляется шестой член – Михаил Небогатов.

А задолго до этого, с самого послевоенного времени, в Кемерове образуется неформальное литературное объединение, в котором Михаил Небогатов сближается с поэтами Алексеем Косарем, Владимиром Измайловым, Евгением Буравлёвым, прозаиками Виталием Рехловым, Александром Волошиным. И уже тогда о кузбасских писателях узнают не только в Сибири, но и в Москве. В июле 1947 года их приглашают принять участие в конференции писателей-сибиряков, которая состоялась с 27 ноября по 2 декабря в Новосибирске. «Нас целая «банда» – Ерошин, Алексеев, Косарь, Усольцев, Волошин и я. Вызваны также шорский поэт Фёдор Чиспяков и Замятина. Выходит, Кузбасс будет представлен восьмёркой». Сколько их ещё будет на веку Михаила Александровича – этих конференций, съездов, совещаний, семинаров!

«Помочь человеку – не последнее дело», – запишет он в дневнике. Пожалуй, это – кредо поэта и гражданина Небогатова! «Не в моей натуре поворачиваться к человеку спиной, когда он приходит к тебе с открытой душой». И он помогает. Чаще всего бескорыстно: кого-то переводит с национального языка на русский, кому-то пишет рецензию на новый сборник или даже подборку стихов, кому-то способствует вступлению в Союз писателей, кого-то просто поддерживает добрым словом или письмом.

Он искренне радуется приёму в Союз писателей каждого нового литератора. Буквально за два-три года пополняется и отделение писателей Кузбасса новыми членами Союза писателей СССР: в 1963 году принят Виталий Рехлов («Я – за него, заслуживает!», 16 января 1964 года – Владимир Измайлов и Александр Ворошилов; 16 июля – Гарий Немченко и Анатолий Соболев; в 1965 году – Виктор Баянов...

Довольно долгим оказался путь в СП для Валентина Махалова – недавнего выпускника

журфака ЛГУ, которому ещё в ноябре 1963 года Небогатов по просьбе Буравлёва даёт рекомендацию для вступления в Союз. И лишь в 1975 году строптивый, неуёмный и неугодный верхним чиновникам от литературы поэт Махалов получил членский билет.

Очень тепло отзываясь Михаил Александрович о стихах ещё одного молодого поэта – Геннадия Юрова, вернувшегося в Кузбасс после Томского университета. В 1964 году у Юрова вышла первая книга стихов «Синий факел». «Он подарил мне её. Думаю над рецензией. Хорошие стихи». Много позднее, когда в газете «Кузбасс», в двух номерах за январь 1985 года, будет опубликована поэма Г. Юрова «Планета Кемерово», Небогатов напишет: «Не вижу, кто бы из наших собратьев-поэтов мог написать такую хорошую вещь, разве что Игорь Киселёв... В поэмах Гена нашел себя, утвердился как отличный поэт!»

Тёплые и дружеские отношения завязываются у Небогатова с поэтом-фронтовиком Владимиром Измайловым, редактором-издателем Павлом Бекшанским, поэтом-сатириком Владимиром Матвеевым, прозаиком Владимиром Мазаевым, публицистом-краеведом Иваном Балибаловым, журналистом Юрием Баландиным, поэтом-машинистом Виктором Баяновым. Семьями дружат Небогатовы с Буравлёвыми и Волошиными, частенько гостя друг у друга – под непременно хлебосольство. С ними можно было откровенно говорить обо всём, а паче всего о литературе, писателях и делах в писательской организации.

Не будет преувеличением, если замечу, что более половины принятых в Союз поэтов получили рекомендацию Михаила Александровича. Среди таковых: Валентин Махалов, Виктор Баянов, Владимир Матвеев, Владимир Иванов, Александр Ибрагимов, Любовь Никонова.

Редкий новый поэтический сборник кузбасских авторов оставался без внимания Небогатова. Да что сборники – подборки стихов,

отдельные публикации в газетах или журналах волновали его как поэта и критика. Перечислю здесь лишь некоторые имена авторов: Алексей Косарь, Евгений Буравлёв, Казимир Лисовский, Степан Торбоков, Фёдор Чиспяков, Софрон Тотыш, Владимир Измайлов, Геннадий Юров, Валентин Махалов, Анатолий Саулов, Павел Майский, Олег Павловский, Илья Ляхов, Виктор Баянов, Владимир Матвеев, Игорь Киселёв, Иван Полунин, Виталий Крёков, Николай Колмогоров, Александр Ибрагимов, Владимир Иванов, Валерий Ковшов, Анна Каптарь и многие другие.

Широкие познания в области литературы, а особенно – поэзии, постоянная практика собственного стихосложения развили в Небогатове как внутренние, так и внешние критерии понимания и оценки поэтического творчества других авторов. Сборники стихов и поэтические подборки собратьев по Союзу – лишь малая толика в общем объёме литературной критики Михаила Небогатова. С пятидесятых годов хлынула просто лавина стихотворной и стихоподобной массы. И всякий пишущий непременно желал бы получить профессиональную оценку своего творчества. Тут-то и пригодились опыт и навыки Михаила Александровича. Добрым, но не добреньким оказывался он для всех пишущих как критик-литконсультант областных газет «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Десятки, сотни писем приходят в его адрес – как благодарных и доверительных, так и агрессивно-амбициозных. И почти все они не остаются без его внимания.

«Для меня всегда была важна истинность дарования, это та природная основа, без которой всякий разговор о поэзии становится бессмысленным... Мы только запутываемся, если рядом с понятием «поэзия» введём ещё понятие «стихотворство». Если стихи тебя трогают, считал он, это уже один из признаков поэзии. Далее идёт мастерство. Вот ему-то и придаёт Небогатов осо-

бое значение в своих ответах-литконсультациях. В подтверждение приведу некоторые записи, говорящие о том, каким напряженным и нелегким оказывался труд консультанта: «За неделю написал 54 консультации для «Кузбасса» (запись от 11.02.76 г.); «Работал вусмерть – за восемь дней ответил на сто с лишним рукописей. Из них только две заслуживают внимания» (21.03.67 г.); «С консультациями в «Кузбасс» я опять сплеховал – сдал на оформление оплаты слишком большое количество и, как всегда в таких случаях, их обесценили – за 73 консультации получил всего 54 рубля. Выходит, меньше рубля за ответ, большинство из которых по одной, по полторы страницы». Заметим между прочим: для того, чтобы написать толковую литконсультацию-ответ, немало времени следует потратить на чтение и анализ стихов того или иного автора. Нередко Небогатов бывал и жесток в оценках, мотивируя тем, что «графоманов не следует поощрять публикациями, это не принесёт пользы никому. К любому начинающему надо относиться требовательно, оценивая его поэтическую работу строго, без каких-либо скидок».

У меня в руках сильно пожелтевший от времени номер газеты «Комсомолец Кузбасса» от 11 июля 1972 года. На третьей полосе, в «подвале», рубрика «Факультет молодого литератора», где Небогатовым подробно анализируются присланные стихи трёх авторов. С двумя из них он полемизирует, критикует, отмечает слабые стороны стихов, зато стихотворение студентки первого курса филфака КемГУ Ирины Барышниковой он печатает полностью, отмечая как явную удачу и вынося первую строку стиха даже в заглавие статьи «О чём-то шепчет о своём трава...». Сопровождает его словами: «Ничего не скажешь, хорошее стихотворение, чёткое по форме, цельное по содержанию и настроению. Можно с уверенностью сказать, что Ира Барышниковичева – одарённый автор, что мы вправе ждать от неё больших творческих удач». И ведь как в

воду глядел: именно Ирина (ныне Фролова) из тех троих стала незаурядным поэтом, членом Союза писателей России – со своей тематикой и неповторимым творческим лицом.

Работоспособности Михаила Небогатова – и как поэта – можно только позавидовать. Редкий день у него проходил без того, чтобы он не написал стихотворение, а то и несколько. Я не берусь в данном очерке за анализ поэтики Михаила Александровича – это дело критиков и литературоведов-филологов. Однако вполне соглашусь с тем, что лучшие стихи его – негромки, мягки, благородны. Это – исповедальная лирика, открытая ладонь, протянутая другу. При этом тематика его творчества необычайно широка. Его волнует всё, что он видит, чем живёт он сам, его Кузбасс, его страна и народ в ней. И в плане формы ему удаётся многое: миниатюры в 4–6 строк, многостраничные оды, эпиграммы, литературные шаржи и пародии, поэмы, сонеты. О самом стихосложении и замысле стиха он пишет: «Стихи невозможно писать по строчкам: одну строчку написал, теперь буду думать о другой строке. Стихи – это блочное строительство». Он строг к себе и своим братьям по творчеству: «Все ли мы активно пишем? Большинство из нас тратит время впустую, на пустопорожнюю болтовню, на всякие заседания, собрания. Это простительно людям рядовым, но не творческим... Не умеем ценить мы время, надо переламывать себя, заставляя работать ежедневно... Перейду я, кажется, на ночную работу – только ночью по-настоящему сосредотачиваешься». И всё это – не красивые и высокопарные слова, дабы выставить себя более привлекательно, нежели других. Красноречивее всего по этому поводу говорят сами дневниковые записи, тут и комментарии никакие не нужны:

«18 сентября 1958 г. Оказывается, за год я написал около двухсот мелких стихотворений – лирических, публицистических, детских, юмористических, шуточных...»

«16 февраля 1960 г. Уже больше недели пишу каждый день по стихотворению...»

«12 апреля 1960 г. Почти два месяца писал по одному стихотворению в день. Задача нелёгкая, но выполняемая...»

«16 января 1964 г. За последние дни написал десяток стихотворений. Какое сложное это дело – творчество...»

А в начале семидесятых годов Михаил Александрович находит для себя, казалось бы, старомодную форму самовыражения – средневековый сонет. Мало того – прибегает и к написанию венка сонетов – особой формы, которая в блоке включает 15 сонетов: центральный (магистрал) и 14 «рядовых», каждый из которых «завязан» с магистральным, а первая строка нового сонета в венке начинается с той, которой закончился предыдущий. «Насколько я знаю, в русской поэзии – «венки сонетов».

«16 августа 1971 г. В пятницу я здорово поработал – за день написал сложнейшую вещь – венок сонетов» (15 сонетов по 14 строк каждый. – В. А.) «...Ночью очень плохо спал... А всё потому, что помешался на сонетах, всё время думаю о них, в голове постоянно звучат его ритмы, во сне и то снятся какие-то строчки...»

«10 января 1985 г. ... совершил творческий подвиг: за два дня (6, 7 января) написал второй за свою жизнь венок сонетов, весь посвященный войне...»

В этот период Небогатов задумывает создать целую книгу, включающую в себя не одну сотню стихов-сонетов. И за три месяца, к январю 1973 года, ему это вполне удаётся!

Сонеты – сонетами, что называется, для души, но в Небогатове всегда жил и поэт-публицист, который просто не мог не откликаться на все волнующие его события. И на каждое такое событие, едва станет о нём известно Михаилу Александровичу, он тут же пишет стихотворение, а уже на следующий день оно появляется в газетах. Запускают в космос

корабль с первым человеком на борту – восторженное стихотворение-отклик; вышел наш земляк А. А. Леонов в открытый космос – не менее восторженное стихотворение; едва отгремели выстрелы на острове Даманском на советско-китайской границе – гневный отклик; погибла бортпроводница Надя Курченко – негодующее соболезнование; произошел в Чили государственный переворот – стихи поэта-гражданина; присвоили Героя соцтруда шахтёру-передовику – стихотворные поздравления...

Особая страница в творческой биографии Михаила Небогатова – сотрудничество с местными композиторами. Столько песен, написанных на его стихи, пожалуй, нет ни у одного кузбасского поэта. По скромным подсчётам, основанным только на его дневниковых записях, мне удалось обнаружить более тридцати песен!

Среди композиторов, писавших музыку на стихи Михаила Небогатова, следует назвать Р. Желиховского, Ковалёва-Троицкого, Б. В. Ковбасова, Николая Угрюмова, Николая Кудрина, Евгения Дубова, Феликса Марка. Особая дружба связывала поэта с композитором Владимиром Игнатовым. Только с ним было написано более десятка песен, исполнявшихся на всевозможных концертах, по местному радио, телевидению. О чём эти песни? Да всё о том же: о шахтёрах и людях труда, о героических буднях и ратных делах Советской армии, о минувшей войне, о любви, о Кемерове, о Кузбассе.

Четырнадцать стихотворных сборников было опубликовано у Михаила Небогатова при жизни, ещё два – уже после того, как его не стало. И тиражи большие. А ещё – книга дневников поэта, послужившая основой для написания этого очерка.

Не будем ханжами: каждый автор хотел бы получить признание своего творчества и таланта ещё при жизни. С признанием Михаила Александровича Небогатова как незаурядно-

го поэта-фронтовика, поэта-песенника, поэта-публициста и патриота, как принципиального критика и трудоголика обстоит не так уж и плохо. Его знали и помнят, читали и читают, его чтители и чтят собратья по перу. От поклонников его поэтического дара шли письма со всей страны, об этом свидетельствует целый раздел дневниковых записей. Ему дарили цветы после публичных выступлений и приносили целые букеты домой, присылали подарки, говорили искренние добрые слова... Не обошли вниманием его и многие известные писатели и редакторы, среди которых: Александр Твардовский, Василий Шукшин, Сергей Баруздин, Елизавета Стюарт, Иван Ветлугин, Анатолий Софронов, Сергей Викулов, Александр Казинцев, Александр Горшенин и многие другие. Не говорю уже здесь о писателях Кузбасса.

Однако самым почётным признанием его поэтического дара было присуждение Михаилу Александровичу премии и лауреатства журнала «Наш современник» за 1986 год! – «За циклы стихов «Сибирское лето» (№ 6) и «Времени река» (№ 11)» – так гласила лауреатская формулировка.

Была и ещё одна важная награда – Почётная грамота Союза писателей СССР – за активную творческую и общественную деятельность и в связи с 25-летием образования Кемеровской писательской организации, датированная 10 июня 1987 года. В торжественной обстановке вручил ему её в Доме литераторов Кузбасса ответственный секретарь Геннадий Евлампиевич Юров.

Не стало Михаила Александровича Небогатова 21 марта 1990 года.

И, наверное, многие бы из ушедших и нынешних административных работников Кемерова и Кузбасса, а также писателей, знавших поэта, смогли бы подписаться под словами Зинаиды Александровны Чигарёвой: «...Шахтёры – это Кузбасс, химики – Кузбасс... И Небогатов – это тоже Кузбасс!»

Михаил НЕБОГАТОВ

Стихи разных лет

Читатель! Друг мой неизвестный!
 Ты стал судьбой в моей судьбе.
 Едва родится в сердце песня,
 Я вспоминаю о тебе.
 Такой, как есть, всегда со мною
 Сидишь ты рядом за столом:
 С открытой, щедрою душою,
 С живым, бесхитростным умом.
 С любовью к людям, с вечной жаждой
 Работы, нового всего...
 Тебе служил я строчкой каждой,
 Всей страстью слова моего.
 Пусть наш союз живёт и дальше!
 Порви его – и между строк
 Вкрадётся тень невольной фальши
 И равнодушья холодок...

* * *

Рано поколению моему
 Испытанья выпали на долю:
 Жизни путь начать в огне, в дыму
 По насквозь прострелянному полю...
 Как ни тяжело было на войне,
 Как мы там ни мучились, страдая,
 Дорого навек то время мне,
 Потому ль, что молод был тогда я?..

* * *

Всю жизнь перед глазами, как живой,
 Увиденный впервой солдат убитый.
 Кругом движенье, гул, моторов вой,
 А он у дома – всеми позабытый...

Был первый день войны. И первый он,
 Ничком лежащий, весь в пороше пыли.
 Поздней я видел многих вечный сон,
 А этот – всех живее в страшной были.
 И чувство в сердце жуткое, как стон:
 Уйдя, мы разбудить его забыли.

* * *

О, сладкое слово
 Команды: «Привал!»
 Прилёт – и готово,
 И в сон – наповал.
 Но это другие,
 Но это не я:
 В минуты такие
 Мне нет забытья.
 Смыкаю упрямо
 Глаза. Ни к чему!
 Мне видится мама
 В родимом дому.
 Её полушалка
 Вдыхаю тепло...
 Себя мне не жалко,
 Пусть мне тяжело.
 Ведь я же со взводом
 И с ротой родной.
 А ей какво там,
 Старушке, одной?
 Мучительно снова
 Представить свой дом...
 О, сладкое слово
 Команды: «Подъём!»

* * *

На поле пала тень,
 Как дума на чело:
 Что значит этот день,
 Что есть добро и зло?
 Зачем растёт трава,
 Что никнет под косой?
 Зачем цветёт, жива,
 Под солнцем и росой?
 ...И снова синева,
 И жаркий блеск в ответ:
 Чтоб новая трава
 Могла увидеть свет.
 Чтоб дождь на ней блестел,
 Как искорка в очах,
 Кузнечик свистел
 И лютик не зачах.
 Чтоб кто-то здесь прошел,
 Весь мир обнять готов,
 И под гуденье пчёл
 Нарвал букет цветов!

* * *

Посетив места родные,
 Что отсюда я привёз?
 Только сердцу дорогие
 Шумы-шелесты берёз.
 Облаков седую пряжу,
 Что, узоря синий мир,
 Вдоль извилистого кряжа
 Проплывают в Салаир.
 Всколыхнул
 Мне снова память
 Говорок реки Бачат,
 Тополей цветущих замять –
 Где ребята ждут девчат,
 Чёрный дым на мягких лапах
 Над полоскою реки,
 Разнотравья пряный запах,
 Незабудок островки.
 Вновь увидел все дороги,

О которые в жару
 Обжигал босые ноги
 Мальчуганом на юру...
 Край любимый, этой дани
 Я не ждал, к тебе спеша,
 Пусто в лёгком чемодане,
 Но зато полна душа.

* * *

Опустело на просёлке,
 Спит охотник у костра.
 Только голос перепёлки
 Не смолкает до утра.
 Только ей одной забота:
 Всю-то ночь она, как мать,
 Непослушного кого-то
 Уговаривает спать.

* * *

Бор – зелёная обитель.
 Словно сосны, день высок.
 – Митю видел? Митю видел? –
 Звонкий птичий голосок.
 Кто такой он, этот Митя?
 Чей, кому товарищ, брат?
 Но, как в детстве: «Видел, видел!» –
 Я ответить птичке рад.
 Митя – друг её, наверно,
 А иначе для чего
 Ей тревожиться безмерно,
 Мол, не видел ли его?

* * *

Я люблю, как всякий русский:
 Если лето, так уж зной,
 Если снег, так чистый, хрусткий,
 Если дождь, так проливной.
 Вечер, день ли на примете,
 Вьюги шорох, листьев медь –
 Всё должно на этом свете
 Лишь своё лицо иметь.